
Пётр Фарфудинов
Ночной поцелуй
18+

Пётр Фарфудинов

Ночной поцелуй

«Автор»
2026

Фарфудинов П.

Ночной поцелуй / П. Фарфудинов — «Автор», 2026

Она подписала контракт, чтобы спастись от долгов. Он купил её долги, чтобы заполучить её. Ева — талантливый реставратор, привыкшая подчиняться. Дэмиен — холодный миллиардер, который не умеет любить, но умеет владеть. Их соглашение просто: год жизни в его пентхаусе, браслет на запястье и полная отдача — физическая и эмоциональная. Но за жестокими правилами скрывается сломленный мужчина, который боится потерять единственного человека, способного его спасти. А за стенами — бывшая любовница, мстительный конкурент и тайна, которая может уничтожить всё. Это история о том, как два разбитых сердца учатся доверять. О ночных поцелуях, которые нежнее слов. О свободе, которую нельзя купить. И о любви, которая начинается там, где заканчивается контроль.

© Фарфудинов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Пётр Фарфудинов
Ночной поцелуй

Ночной поцелуй

Глава 1

Атмосфера: Дождливый вечер, роскошный особняк, запах старой бумаги и дорогих духов.

Ева стояла в огромном холле, сжимая в руках дешевую сумочку. Ее отражение в зеркале в позолоченной раме казалось бледным и испуганным. Она только что подписала документы, которые связывали ее по рукам и ногам.

— С этого момента, мисс Лоуренс, вы принадлежите мне, — голос Дэмиена прозвучал за спиной так неожиданно, что она вздрогнула.

Он подошел к ней, высокий, темноволосый, с глазами цвета льда. На нем был идеальный костюм, а в руке — бокал с виски. Он обошел ее по кругу, словно оценивая картину перед покупкой.

— Вы выглядите так, будто собираетесь на похороны, — усмехнулся он. — Улыбнитесь. Это не кабала в прямом смысле слова. Это... соглашение.

— Я понимаю, мистер Блэквуд, — тихо сказала Ева, поднимая на него глаза. — Но я не привыкла быть чьей-то собственностью.

— Придется привыкнуть, — его голос стал жестче. — Правила просты: вы не выходите из дома без моего разрешения, не задаете лишних вопросов и... — он подошел вплотную, подцепив пальцем цепочку на ее шее, — вы подчиняетесь мне в постели.

Он наклонился к ее уху, и его дыхание обожгло кожу.

— Мне нравится, когда женщина беспомощна. Когда она зависит от моего настроения. Вы станете для меня идеальной... *рабыней*. Но не думайте, что вам будет больно. Я умею доставлять удовольствие, если этого хочу.

Ева сглотнула. Она должна была чувствовать унижение, но странным образом в его словах была не только жестокость, но и обещание. В ту ночь, когда он впервые поцеловал ее в темноте спальни, она поняла: этот поцелуй был не просто требованием, а мольбой о тепле, которое он потерял много лет назад.

Она была его рабыней по контракту. Но в постели, среди смятых простыней и шепота, она чувствовала, что именно она держит в руках ключ от его свободы.

Глава 2.

Утро после первой ночи. Ева проснулась в огромной кровати одна. Простыни ещё хранили запах его одеколона — сандал и что-то горькое, вроде миндаля. Она потянулась и поморщилась: тело ныло в тех местах, о которых она вчера не подозревала. Но странное дело — она не чувствовала себя униженной. Скорее... озадаченной. Ночью, когда он думал, что она спит, Дэмиен поцеловал её в шею так нежно, что у неё перехватило дыхание. А потом прошептал: «Прости». Что это было?

Она надела халат (один из тех, что висели в шкафу — явно купленные для неё, но безликие, как гостиничные) и вышла в коридор. Пентхаус был огромным, но тихим, как музей. Ева прошла мимо закрытой двери — той самой, что заметила вчера. Ручка не поддалась. Заперто.

— Мисс Лоуренс.

Ева вздрогнула. В конце коридора стояла женщина лет пятидесяти, в строгом сером платье, с волосами, стянутыми в тугой пучок. Глаза у неё были цвета мокрого асфальта.

— Я Маргарет. Экономка. Мистер Блэквуд просил передать, что завтрак подан в малой столовой. И ещё... — она протянула сложенный лист бумаги. — Это ваше расписание на неделю.

Ева взяла лист. Внутри была таблица: 7:00 — подъём; 7:30 — завтрак с мистером Блэквудом (обязательно); 8:00–12:00 — свободное время (в пределах пентхауса); 12:30 — обед; 14:00–18:00 — работа в галерее (сопровождение мистера Блэквуда); 19:00 — ужин; 21:00 — вечерние процедуры (ванна, массаж); 22:00 — спальня мистера Блэквуда. И приписка внизу: «Браслет не снимать. Выход из дома только с разрешения. Нарушение — штраф».

— Это... серьёзно? — спросила Ева.

Маргарет посмотрела на неё без выражения.

— Мистер Блэквуд не шутит, мисс Лоуренс. И ещё: комната в конце коридора закрыта. Если вы попытаетесь войти, я буду вынуждена доложить.

— Что там?

— Это не моё дело. И не ваше.

Маргарет развернулась и ушла. Ева осталась стоять с листом в руках. Вчера она подписала контракт, думая, что сможет сохранить гордость. Сегодня ей объяснили, что гордость здесь не предусмотрена.

Завтрак прошёл в молчании. Дэмиен сидел во главе стола, читая газету (бумажную! кто в наше время читает бумажные газеты?), и не поднимал на неё глаз. Ева ковыряла омлет.

— Вы плохо спали, — сказал он вдруг, не отрываясь от чтения.

— Скорее, мало спала, — ответила она, прежде чем подумала.

Он поднял глаза. Ледяные. Но в уголках губ — тень усмешки.

— Это было не приглашение к беседе, мисс Лоуренс. Это констатация факта.

— А я думала, что могу ответить.

— Можете. Но не забывайте, кто здесь платит.

Он сложил газету и встал.

— Сегодня в два часа вы едете со мной в галерею. Наденьте что-нибудь... приличное. И не опаздывайте.

Он ушёл. Ева осталась с остывшим омлетом и мыслью: «А ведь ночью он сказал "прости"».

В галерее Дэмиен был другим — собранным, деловым, но не жестоким. Он показывал ей коллекцию: полотна старых мастеров, некоторые требовали реставрации. Ева забыла о контракте, когда увидела картину Караваджо с потрескавшимся лаком.

— Ей нужна ваша помощь, — сказал Дэмиен, стоя за её спиной.

— Это... это же подлинник? — выдохнула Ева.

— Да. И я хочу, чтобы вы её восстановили. Это будет ваша работа. Официально. — Он помолчал. — Но есть условие: вы работаете в моём присутствии. Без свидетелей.

Ева обернулась. Он смотрел на неё без насмешки. Серьёзно.

— Почему? — спросила она.

— Потому что я не доверяю никому. Даже вам. Пока.

Она кивнула. Это было честно. По крайней мере, он не притворялся.

Вечером, когда она уже лежала в постели (одна, он ещё не пришёл), в дверь постучали. На пороге стояла Маргарет с подносом: чай и маленькая записка. «Сегодня можешь спать одна. У меня дела. Но завтра — по расписанию. Д.»

Ева улыбнулась. Впервые за два дня.

Она не знала, что за дверью, в коридоре, Дэмиен стоял, прислонившись к стене, и слушал, как она тихо смеётся, читая записку. И в этот момент он понял, что попал. По-настоящему.

Глава 3.

Званый ужин должен был начаться в восемь. Ева стояла перед зеркалом в спальне, которую ей выделили (отдельной, но смежной с его спальней — «чтобы ночью не бегать по коридорам», как сказал Дэмиен), и пыталась справиться с молнией на платье. Платье было тёмно-синим, шёлковым, из новой коллекции, которую Маргарет повесила в шкаф утром. Оно сидело идеально, но Ева чувствовала себя в нём как в чужой коже.

— Помочь? — раздался голос от двери.

Дэмиен стоял, прислонившись к косяку, в смокинге. Он уже был готов: чёрный пиджак, белоснежная рубашка, бабочка. И смотрел на неё так, что у Евы пересохло во рту.

— Я справлюсь, — сказала она, дёрнув молнию. Та застряла.

Он подошёл, не спрашивая разрешения, развернул её спиной к себе и одним движением застегнул молнию. Его пальцы задержались на её лопатках, на секунду дольше, чем требовалось.

— Сегодня будут мои партнёры, — сказал он тихо, почти в самое ухо. — И моя бывшая девушка. Изабелла. Она... сложная женщина. Не позволяй ей вывести тебя из себя.

— А если она попытается?

— Тогда отвечай. Но помни: ты здесь не для того, чтобы скандалить. Ты здесь, чтобы быть рядом со мной. Улыбайся. Молчи. И не пей больше одного бокала.

Он отошёл.

— И ещё, Ева. — Он впервые назвал её по имени без «мисс Лоуренс». — Ты выглядишь... достойно.

Это было почти комплиментом. Она решила считать это комплиментом.

Гостиная была полна людей в дорогих костюмах и вечерних платьях. Ева чувствовала себя выставленной на аукцион: её разглядывали, оценивали, шептались. Дэмиен держал её под локоть — не грубо, но твёрдо, как будто говоря: «Она со мной».

Первым к ним подошёл мужчина лет сорока, с седеющими висками и усталыми глазами.

— Дэмиен, — он пожал руку, потом посмотрел на Еву. — А это, должно быть, та самая мисс Лоуренс. Виктор Крейн. Мы с Дэмиеном знакомы сто лет.

— Очень приятно, — сказала Ева.

Виктор улыбнулся — тепло, по-человечески, не как остальные.

— Я слышал, вы реставратор. Дэмиен говорил, что вы работаете с Караваджо. Это впечатляет.

— Не хвастайся, Виктор, — вмешался Дэмиен, но без злости.

— Я не хвастаюсь. Я восхищаюсь. — Виктор подмигнул Еве. — Если он будет слишком невыносим, звоните мне. У меня есть связи в полиции.

Ева улыбнулась впервые за вечер.

Изабелла появилась в половине девятого. Она была высокой, с волосами цвета тёмного мёда, уложенными в идеальные волны, и платьем, которое стоило больше, чем Ева зарабатывала за полгода. Она вошла так, будто была здесь хозяйкой, и сразу направилась к Дэмиену.

— Дэмиен, дорогой, — промурлыкала она, целуя его в щёку. — Ты не отвечаешь на мои звонки.

— Я был занят, — холодно ответил он.

Изабелла перевела взгляд на Еву. Улыбка осталась на месте, но глаза стали ледяными.

— А это, должно быть, твоя новая... компаньонка. — Она произнесла это слово так, будто оно означало «дешёвая игрушка». — Ева, верно? Какое простое имя. И такое... подходящее.

— Спасибо, — спокойно сказала Ева. — А ваше имя такое... запоминающееся. Как реклама шампуня.

Виктор, стоявший рядом, поперхнулся вином. Дэмиен не улыбнулся, но его рука на талии Евы чуть сжалась — одобрительно.

Изабелла сузила глаза.

— Остроумно. Посмотрим, как долго ты продержишься. Дэмиен быстро скучает.

— Изабелла, — вмешался Дэмиен, и его голос был как лёд. — Ты пришла сюда как гостья. Не порти вечер.

Она подняла брови, изобразила на лице сожаление и отошла. Но Ева чувствовала её взгляд весь вечер.

Когда гости начали расходиться, Виктор задержался. Он подошёл к Еве, когда Дэмиен отошёл к бару.

— Не позволяйте ей себя запугать, — сказал он тихо. — Изабелла — это яд в красивой упаковке. Она никогда не простит, что Дэмиен выбрал не её.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я видел, как он смотрит на вас. Он никогда так не смотрел на Изабеллу. — Виктор помолчал. — И ещё: будьте осторожны. Дэмиен не всегда был таким. То, что случилось с его матерью... это его сломало. Но вы, кажется, его чините. Не сдавайтесь.

Он ушёл. Ева осталась с бокалом, который ей не разрешали допивать, и мыслью: «Что, чёрт возьми, случилось с его матерью?»

Глава 4.

В спальню Дэмиена она вошла в половине одиннадцатого. Он уже был там — стоял у окна, глядя на ночной город. Рубашка расстёгнута на две пуговицы, галстук снят. Без брони смокинга он казался моложе и... уязвимее.

— Закрой дверь, — сказал он, не оборачиваясь.

Ева закрыла. Сердце колотилось.

— Ты нервничаешь, — констатировал он, повернувшись. — Вчера было... по-другому.

— Вчера я не знала правил.

— А сегодня знаешь?

— Сегодня я знаю, что вы не всегда такой, как с Изабеллой.

Он подошёл. Медленно, как хищник.

— И какой же я?

— Не знаю. Но ночью, когда вы думаете, что я сплю, вы становитесь другим. Нежным.

Он замер. В его глазах что-то мелькнуло — страх? боль?

— Ты не спала.

— Нет.

Он выдохнул. Потом взял её лицо в ладони — грубо, нетерпеливо — и поцеловал. Это был не тот поцелуй, что вчера: не приказ, не наказание. Голодный, но не жестокий. Он целовал её так, будто она была водой, а он умирал от жажды.

Они упали на кровать. Он был сверху, но не давил. Его руки путались в её волосах, в шёлке платья, в молнии, которую он расстегнул одним движением.

— Скажи, что ты хочешь этого, — прошептал он ей в шею.

— Хочу, — выдохнула она.

Он вошёл в неё медленно, глядя в глаза. Это было не так, как в первую ночь: не было боли, не было унижения. Было что-то другое — отчаянное, как будто он пытался что-то доказать не ей, а себе.

Потом, когда всё закончилось, он не ушёл. Остался лежать рядом, тяжело дыша, глядя в потолок.

Ева уже почти спала, когда почувствовала его губы на своей шее. Лёгкий, едва ощутимый поцелуй.

— Прости, — прошептал он.

— За что? — спросила она, не открывая глаз.

Он молчал так долго, что она подумала, что он не ответит.

— За то, что я не умею иначе.

Она повернулась к нему, обняла, прижалась щекой к его груди. Он напрягся, но не оттолкнул.

— Научитесь, — сказала она. — Я подожду.

Он ничего не ответил. Но его рука легла ей на спину — не собственнически, а просто... держа.

Утром, когда Ева проснулась, его уже не было. На подушке лежала записка: «В галерею в два. Не опаздывай. P.S. Ты храпишь».

Она улыбнулась и поняла, что впервые за долгое время ей не страшно.

Глава 5.

Выход из пентхауса без разрешения был запрещён. Но в расписании Евы значилось «свободное время (в пределах пентхауса)» с восьми до двенадцати, и она нашла лазейку: терраса на нижнем этаже здания, куда можно было спуститься по служебной лестнице. Формально — всё ещё территория Дэмиена. Фактически — глоток воздуха.

Макс ждал её в кофейне, напротив, через дорогу. Ева видела его из окна террасы — он сидел у витрины, нервно помешивая остывший капучино, и каждые полминуты смотрел на часы. Она набрала его номер.

— Я здесь, — сказала она тихо. — На террасе. Не могу выйти.

— Что значит «не могу выйти»? — его голос сорвался. — Ева, это уже не работа. Это тюрьма.

— Это контракт, Макс. Я подписала. Если нарушу — штраф, который я не потяну.

— Я найду деньги. У меня есть сбережения, я могу взять кредит...

— Нет. — Она закрыла глаза. — Ты не понимаешь. Он купил долги отца. Все. Если я уйду, он может потребовать их обратно. И тогда я останусь ни с чем. И ты тоже, если влезешь в это.

Макс помолчал. Потом сказал тише:

— Ева, я покопался в документах. Тех, что ты мне оставила. Долги твоего отца... они были проданы одному фонду за месяц до его смерти. А фонд принадлежит Блэквуду.

Ева замерла.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что, возможно, это не случайность. Что он знал о твоём отце. Может быть, даже... — Макс запнулся. — Я не знаю. Но что-то здесь нечисто.

— Я спрошу его.

— Ева, будь осторожна. Если он действительно причастен...

— Я спрошу, — повторила она. — Но не сегодня. Мне нужно подумать.

Она положила трубку и посмотрела на Макса через дорогу. Он поднял руку, как будто хотел помахать, но опустил. Она знала этот жест: «Я рядом. Всегда».

Вернувшись в пентхаус, Ева столкнулась с Маргарет.

— Вы отсутствовали двадцать три минуты, — сказала та бесстрастно. — Мистер Блэквуд не знает. Пока.

— Вы собираетесь ему рассказать?

Маргарет посмотрела на неё долгим взглядом.

— Я работаю на мистера Блэквуда двенадцать лет, мисс Лоуренс. Я видела много... компаньонок. — Она сделала паузу. — Вы первая, кто не пытается что-то украсть или продать. Поэтому нет. Я не расскажу. Но будьте осторожны. Он узнает. Он всегда узнаёт.

Глава 6.

В галерее в тот день Дэмиен был особенно молчалив. Он ходил между полотнами, отдавал распоряжения, но не смотрел на Еву. Она работала над Караваджо — очищала лак с уголка картины — и чувствовала его присутствие спиной. Он сидел в кресле в углу, листал какие-то бумаги, но она знала: он наблюдает.

К пяти часам она закончила сеанс и пошла мыть руки. В зеркале ванной комнаты её взгляд упал на браслет. Тонкий, из белого золота, с крошечным гравированным логотипом «B». Он был красив — и она ненавидела его.

Она попробовала снять его. Замок не поддавался. Она подёргала сильнее, потом взяла мыло, попыталась сдвинуть через костяшку. Бесполезно. Браслет сидел как влитой.

— Он не снимается.

Ева обернулась. Дэмиен стоял в дверях, скрестив руки.

— Что?

— Замок с секретом. Только я знаю код. — Он подошёл, взял её запястье, провёл большим пальцем по браслету. — Ты пыталась его снять.

— Я пыталась помыть руки, — соврала она.

— Ты пыталась его снять, — повторил он, и в голосе появился металл. — Это нарушение пункта 4.3 контракта.

— Я не читала пункт 4.3.

— А стоило бы. — Он отпустил её руку. — Штраф — пять тысяч. Или... альтернатива.

— Какая?

Он посмотрел на неё сверху вниз.

— Ты расскажешь мне, зачем пыталась его снять. Правду.

Ева сглотнула. Врать было бессмысленно: он видел её насквозь. Но и правду говорить было страшно.

— Я не люблю чувствовать себя вещью, — сказала она наконец. — Браслет — это клеймо. Я понимаю, что подписала контракт. Я понимаю правила. Но когда я смотрю на свою руку, я вижу не человека, а... предмет. И это хуже, чем всё остальное.

Он молчал так долго, что она подумала, что он сейчас разозлится. Но он вдруг сказал:

— Хорошо.

— Что... хорошо?

— Штрафа не будет. — Он отошёл к окну. — Но браслет останется. Потому что, Ева, — он обернулся, и в его глазах было что-то новое, — пока ты носишь его, ты моя. А я... — он запнулся, — я не готов тебя отпускать. Даже символически.

Это было первое признание. Слабое, замаскированное под контроль, но признание.

— Вы боитесь, — сказала она тихо.

— Чего?

— Что я уйду.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Ты уйдёшь в любом случае. Все уходят. Вопрос только — когда и что после себя оставят.

Он вышел. Ева осталась стоять у зеркала, глядя на браслет. Впервые за всё время она почувствовала не ненависть, а что-то другое. Что-то, что было похоже на жалость.

Вечером, когда она уже лежала в постели, в дверь постучали. Дэмиен. Он вошёл без приглашения, сел на край кровати.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал он.

Он вытащил из кармана маленький ключ и вставил его в замок браслета. Щелчок. Браслет раскрылся.

— Что вы делаете?

— Дарю тебе один вечер без него. — Он положил браслет на прикроватную тумбочку. — Один. Потом я его верну. Но сегодня... сегодня ты не рабыня. Ты просто Ева. И я просто Дэмиен.

Он наклонился и поцеловал её — нежно, как ночью, когда думал, что она спит.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что?

— За то, что вы не всегда такой, как хотите казаться.

Он ничего не ответил. Но когда она уснула, он взял браслет и надел его обратно — осторожно, чтобы не разбудить. Потом лег рядом и впервые за много лет уснул без кошмаров.

Глава 7.

Ева решилась попросить об этом через неделю. Караваджо стоял в подсобном помещении галереи, закрытый тканью, и она не могла перестать думать о нём. Каждый раз, проходя мимо, она чувствовала зуд в пальцах — желание прикоснуться, очистить, вернуть к жизни.

— Мистер Блэквуд, — начала она за завтраком, отложив вилку. — Я хочу работать над картиной. По-настоящему. Не только в галерее под присмотром, а... в мастерской. С материалами. С нормальным светом. Вы говорили, что это будет моя работа.

Дэмиен поднял глаза от газеты.

— Говорил. И что тебе нужно?

— Комната. Любая. С окном. И три часа в день без... — она замялась, — без наблюдения.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не доверяю никому. Я уже говорил. — Он сложил газету. — Но есть компромисс.

— Какой?

— Ты работаешь в моём кабинете. Я буду там же. Занимаюсь своими делами, не мешаю. Но ты будешь у меня на виду.

Ева вздохнула. Это было лучше, чем ничего.

— Хорошо. Но есть ещё одно условие. С моей стороны.

Он поднял бровь.

— Я хочу работать... без одежды.

Тишина. Дэмиен медленно отложил чашку.

— Повтори.

— Я не могу работать в жёсткой одежде. Реставрация требует свободы движения. И... — она покраснела, но заставила себя посмотреть ему в глаза, — вы хотели, чтобы я была уязвимой. Так вот. Это моя уязвимость. Не браслет. Не правила. А то, что я делаю. Я хочу, чтобы вы видели меня настоящую. Не «компаньонку». Не «рабыню». Художника.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Хорошо.

Кабинет Дэмиена был огромным — тёмное дерево, кожаные кресла, стеллажи с книгами по искусству. В центре стоял массивный стол, за которым он работал. Ева постелила на пол клеёнку, расставила растворители, кисти, тряпки. Поставила мольберт с Караваджо.

Потом, не глядя на Дэмиена (он сидел в кресле у окна с бумагами), сняла халат.

Она не была эксгибиционисткой. Каждый дюйм её кожи горел от смущения. Но она заставила себя не прикрываться. Это была её территория — её работа. Она хотела, чтобы он увидел: она не просто тело. Она — руки, глаза, терпение. Она — художник.

Первые полчаса он действительно не смотрел. Читал. Потом она услышала, как он отложил бумаги. Почувствовала его взгляд — тяжёлый, немигающий.

— Ты не позируешь, — сказал он, наконец.

— Что?

— Ты не позируешь. Ты... работаешь. — Он подошёл ближе, встал за её плечом. — У тебя руки двигаются сами. Как у пианиста.

Ева улыбнулась, не отрываясь от работы.

— Это потому что я не думаю о них. Я думаю о картине.

— А о чём ты думаешь, когда смотришь на неё?

— О том, что она видела. Триста лет. Войны, революции, руки, которые её трогали. Она помнит всё. А я... я просто помогаю ей вспомнить, как дышать.

Он молчал. Потом сказал тихо:

— Ты говоришь о ней, как о человеке.

— А разве картины — не люди? Они живут дольше нас. Они помнят больше. Они... — она запнулась, подбирая слово, — они свидетели.

Он положил руку ей на плечо — легко, почти невесомо. Она замерла.

— Ты необычная, Ева, — сказал он. — Я думал, что покупаю игрушку. А купил... — он не договорил.

— Что?

— Не важно. — Он убрал руку. — Работай. Я не буду мешать.

Он вернулся в кресло. Но теперь он смотрел на неё не как на собственность. Как на что-то, что он не понимает, но хочет понять.

В тот вечер, когда она закончила и надела халат, он сказал:

— Завтра можешь работать дольше. Четыре часа. И... — он помолчал, — можешь работать в своей комнате, если хочешь. Без меня.

Это было доверие. Маленькое, но настоящее.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул и уткнулся в бумаги. Но когда она выходила, она увидела в отражении окна, что он улыбается.

Глава 8.

Изабелла пришла в среду, в три часа дня. Ева была одна — Дэмиен уехал на встречу. Маргарет попыталась её не пустить, но Изабелла отодвинула её плечом и вошла в гостиную, как хозяйка.

— Где Дэмиен? — спросила она, не здороваясь.

— На встрече, — ответила Ева, откладывая книгу. — Вы можете подождать, если хотите.

— Я не буду ждать. Я пришла поговорить с тобой.

Изабелла села в кресло, закинув ногу на ногу. На ней было белоснежное пальто и туфли, которые стоили больше, чем квартира Евы.

— Я скажу это один раз, — начала она. — То, что происходит между тобой и Дэмиеном, — это... временно. Он играет. Он всегда играет. Ты думаешь, что ты первая? Ты не первая. И не последняя.

— Я это знаю, — спокойно сказала Ева.

— Тогда почему ты здесь? Из-за денег? — Изабелла усмехнулась. — Сколько он тебе платит? Я заплачу больше. Уходи.

— Нет.

— Нет? — она подняла бровь. — Ты понимаешь, что он с тобой сделает? Он тебя сломает. Он всех ломает. Я была с ним два года. Я знаю, о чём говорю.

— Тогда почему вы вернулись? — спросила Ева. — Если он вас сломал, почему вы всё ещё здесь?

Изабелла на секунду растерялась. Потом её лицо исказилось.

— Потому что он мой. Мы были вместе. Он мой.

— Люди не принадлежат друг другу, — сказала Ева тихо. — Даже по контракту.

— О, какая наивность. — Изабелла встала. — Ты думаешь, что ты особенная? Что он тебя полюбил? Он не умеет любить. Он умеет только покупать. И ты — просто очередная покупка. Дешёвая подстилка, которую он выбросит, когда наиграется.

Ева встала тоже. Она чувствовала, как кровь приливает к щекам, но голос остался ровным.

— Я не знаю, что будет дальше. Может быть, вы правы. Может быть, он меня выбросит. Но пока я здесь — я не позволю вам меня унижать. Вы пришли в дом, где вас не приглашали, и оскорбляете меня. Это не делает вам чести. Это делает вас... жалкой.

Изабелла шагнула вперёд, подняла руку — то ли чтобы ударить, то ли чтобы схватить. Ева не отступила.

— Изабелла.

Голос Дэмиена прозвучал от двери. Он стоял там, сняв пальто, и смотрел на Изабеллу так, что она замерла.

— Дэмиен, я...

— Ты пришла в мой дом без приглашения. Оскорбила мою... — он сделал паузу, — Еву. И теперь ты уйдёшь. И не вернёшься, пока не научишься вести себя как человек.

— Дэмиен, она...

— Я слышал, — сказал он холодно. — Всё слышал. Я стоял в коридоре последние две минуты. — Он подошёл к Еве, встал рядом. — Ты сказала, что она «дешёвая подстилка». А я скажу тебе, кто ты. Ты — женщина, которая не может смириться с тем, что её время прошло. Ты не любишь меня. Ты любишь то, что я могу дать. А Ева... — он посмотрел на неё, — Ева не просит ничего. И это делает её лучше тебя во всём.

Изабелла побледнела. Потом её лицо исказилось ненавистью.

— Ты пожалеешь, — прошептала она. — Вы оба пожалеете.

Она вышла, хлопнув дверью. Маргарет, стоявшая в коридоре, проводила её ледяным взглядом.

Дэмиен повернулся к Еве.

— Ты в порядке?

— Да, — сказала она, хотя руки дрожали. — Вы... вы действительно слышали?

— Всё. — Он помолчал. — Ты не отступила. Большинство отступают.

— Я не большинство.

Он усмехнулся — впервые без горечи.

— Знаю. — Он взял её руку, поднёс к губам, поцеловал браслет. — Может быть, я купил не то, что думал. Может быть, я купил... что-то настоящее.

— Может быть, — согласилась она.

В ту ночь он снова пришёл к ней. Но не за тем, чтобы взять. А чтобы просто лежать рядом. И когда она уснула, он прошептал в темноте:

— Я не знаю, что это. Но я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Глава 9.

Дэмиену семь лет. Особняк Блэквудов, где сейчас живёт Ева, только тогда он был ещё домом его отца — холодным, тёмным, с высокими потолками и портретами предков, которые смотрели на мальчика с презрением.

Отец, Эдвард Блэквуд, был человеком, который верил в порядок. Всё должно было быть на своих местах: бумаги на столе — под углом девяносто градусов, обувь в шкафу — по цвету, жена — в спальне, ребёнок — в детской. Если что-то выходило из строя, следовало наказание.

Дэмиен не помнил, чтобы отец когда-нибудь его обнимал. Помнил только, как он проверял его школьный дневник, проводя пальцем по строчкам, и как говорил: «Ты можешь лучше». Это было не поощрение. Это был приказ.

Мать, Элеонора, была другой. Она пахла лавандой и краской — она рисовала. Дэмиен помнил, как она сажала его на колени перед мольбертом и давала кисть. «Смотри, — говорила она, — мир не состоит из прямых линий. Он состоит из мазков. Из движения. Из света». Она была единственным тёплым пятном в его жизни.

Отец ненавидел её живопись. Говорил, что это «глупости», «трата времени». Однажды, когда Дэмиену было восемь, он вернулся из школы и увидел, что все картины матери исчезли из дома. Вместо них на стенах висели фотографии предков в золочёных рамах.

— Где мамины картины? — спросил он.

— Я их убрал, — сказал отец. — Они портили интерьер.

Мать в тот вечер не вышла к ужину. Дэмиен слышал, как она плакала в спальне. Он хотел войти, но отец сказал: «Не мешай. Она сама виновата».

Через два года её не стало.

Дэмиен нашёл её в ванной. Она лежала в воде, и вода была красной. Ему было десять. Он не закричал. Он просто стоял и смотрел, как расходятся круги по воде, и думал: «Она ушла, потому что я не смог её защитить».

Отец после похорон сказал только одно: «Твоя мать была слабой. Не будь как она».

Дэмиен вырос с этим. С мыслью, что чувства — это слабость. Что привязанность — это ловушка. Что если он позволит себе любить, он потеряет всё. Поэтому он строил стены. Покупал вещи. Контролировал людей. Потому что вещи не уходят. Люди уходят.

Настоящее время. Дэмиен сидит в кабинете, смотрит на закрытую комнату — ту самую, куда Еве нельзя входить. Внутри — портрет матери, написанный ею самой. Единственная картина, которую он смог спасти. Он не открывает комнату, потому что боится. Боится, что если он снова увидит её лицо, он вспомнит, как она уходила, и поймёт, что Ева тоже уйдёт.

Но Ева уже изменила что-то в нём. Она не боится его. Она не отступает. И это пугает его больше, чем что-либо в жизни.

Глава 10.

Это случилось в четверг, через две недели после сцены с Изабеллой. Дэмиен уехал на деловую встречу в другой город и должен был вернуться только к вечеру. Утром он оставил расписание: «12:00 — обед с Маргарет. 15:00 — работа в кабинете. 18:00 — подготовка к ужину. Не выходить».

Ева посмотрела на лист. Потом на календарь на стене. 17 октября. Годовщина смерти отца.

Она не сказала Дэмиену. Знала, что он запретит. Но она не могла не пойти. Отец был единственным человеком, который в неё верил. Он умер, оставив долги, но он умер, оставив и её — с верой в то, что она сможет стать художником. Она не могла оставить его одного в этот день.

В час дня она надела пальто, взяла сумку и вышла через служебную лестницу. Браслет она оставила на тумбочке. Впервые за всё время — без него.

Кладбище было на другом конце города. Она ехала на автобусе, потом шла пешком. Дождь моросил, и её волосы прилипли к лицу. У могилы отца она простояла час. Положила цветы — простые ромашки, которые он любил. Сказала ему, что у неё всё хорошо. Соврала. Потом сказала правду: что она запуталась, что не знает, кто она теперь, что боится полюбить человека, который может её сломать.

— Но я справлюсь, пап, — прошептала она. — Я обещаю.

Когда она вернулась в пентхаус, было почти шесть. Дэмиен стоял в гостиной. Он вернулся раньше. На столе лежал браслет — там, где она его оставила. Маргарет стояла в дверях, бледная.

— Где ты была? — спросил он. Голос был тихим. Опасным.

— На кладбище, — сказала Ева. — У отца. Сегодня годовщина.

— Ты нарушила правило.

— Да.

— Ты сняла браслет.

— Да.

— Ты понимаешь, что я могу расторгнуть контракт? Прямо сейчас? Что ты останешься ни с чем?

— Понимаю.

Он шагнул к ней. В его глазах бушевала буря — гнев, страх, что-то ещё.

— Почему ты не сказала мне?

— Потому что ты бы запретил.

— Да! Потому что это опасно! Потому что ты не знаешь город, потому что...

— Потому что ты не контролируешь меня! — выкрикнула она. — Дэмиен, я не вещь! Я человек! У меня есть отец, который умер, и я имею право прийти на его могилу, не спрашивая разрешения у человека, который купил мои долги!

Тишина. Он смотрел на неё так, будто впервые видел.

— Ты права, — сказал он, наконец.

Ева моргнула.

— Что?

— Я сказал, ты права. — Он провёл рукой по волосам. — Я... я не умею иначе. Я привык контролировать. Потому что всё, что я не контролировал, уходило. Мать. Люди. Всё.

Он сел в кресло, вдруг ставшим очень усталым.

— Я не могу тебя отпустить, Ева. Но я не хочу тебя сломать. И я не знаю, как это совместить.

Она подошла, села на подлокотник кресла. Не касаясь его. Просто рядом.

— Может быть, начнём с малого? — сказала она. — Я буду говорить тебе, куда иду. А ты... ты попробуешь не запрещать. Просто... доверять.

— Я не умею доверять.

— Я знаю. Но ты можешь попробовать. Как я пытаюсь.

Он поднял на неё глаза. В них было что-то новое — не лед, а трещина во льду.

— Хорошо, — сказал он. — Но браслет... — он взял его со стола, — браслет останется. Не как ошейник. Как... — он замялся, — как напоминание. Что ты вернулась. Что ты выбрала вернуться.

Он застегнул его на её запястье. Но на этот раз это не было унижением. Это было... обещание.

— Я вернулась, — сказала она. — Но не потому, что должна. А потому, что хочу.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я не заслуживаю тебя, — сказал он тихо.

— Может быть, — согласилась она. — Но я здесь. И я не уйду. Пока ты не выгонишь.

— Я никогда не выгоню.

— Посмотрим.

Она улыбнулась. Он — нет. Но его рука нашла её руку. И в этом жесте было больше, чем во всех словах, которые он когда-либо говорил.

Глава 11.

Макс ждал её в том же кафе напротив. На этот раз Ева не стала прятаться на террасе — она сказала Дэмиену, что идёт встретиться с другом, и он, скрипя зубами, но всё же отпустил. «Один час, — сказал он. — И браслет с собой». Она согласилась.

Макс выглядел хуже, чем в прошлый раз: небритый, с тёмными кругами под глазами, перед ним лежала папка с бумагами.

— Спасибо, что пришла, — сказал он, вставая. — Я не был уверен, что ты сможешь.

— Я тоже. — Она села напротив. — Что ты нашёл?

Макс открыл папку. Внутри были распечатки: банковские выписки, регистрационные документы, письма.

— Помнишь, я говорил, что долги твоего отца были проданы фонду Блэквуда за месяц до его смерти?

— Помню.

— Я копнул глубже. Фонд — это «Блэквуд Кэпитал». Но это не просто фонд. Это... — он помолчал, — это структура, которая скупает проблемные активы. Долги, закладные, разорившиеся компании. Они покупают их по дешёвке, а потом... — он перелистнул страницу, — потом выбивают долги. Жёстко. Иногда незаконно.

Ева почувствовала, как холодеет внутри.

— Ты хочешь сказать, что Дэмиен...

— Я хочу сказать, что твой отец был не единственным. Я нашёл ещё шесть фамилий. Люди, которые разорились, чьи долги скупил «Блэквуд Кэпитал». Двое из них покончили с собой. Один пропал без вести. — Макс поднял на неё глаза. — Ева, это не совпадение. Твой отец умер через месяц после того, как его долги перешли к Блэквуду. Официально — сердечный приступ. Но...

— Но что? — её голос был почти шёпотом.

— Но я нашёл письмо. От твоего отца. Оно было в старых архивах, которые ты мне оставила. Он писал кому-то — я не знаю, кому, — что «они» угрожают ему. Что если он не заплатит, «они» заберут всё. И тебя.

Ева закрыла глаза. В ушах шумело.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Потому что я не был уверен. Я и сейчас не уверен. Может быть, это совпадение. Может быть, «Блэквуд Кэпитал» — это просто бизнес, а твой отец был болен. Но... — он взял её за руку, — ты должна спросить его. Прямо. И смотреть, как он будет отвечать.

— Я спрошу, — сказала она. — Сегодня.

Она встала. Макс схватил её за руку.

— Ева, будь осторожна. Если он действительно...

— Я знаю, — перебила она. — Но я должна знать правду. Даже если она меня убьёт.

Дэмиен ждал её в гостиной. Он сидел в кресле с бокалом виски — не пил, просто держал. Когда она вошла, он поднял глаза.

— Ты выглядишь так, будто увидела призрака.

— Может, и увидела. — Она села напротив. — Мне нужно задать тебе вопрос. И я хочу, чтобы ты ответил честно. Не как мой «хозяин». Как человек.

Он напрягся.

— Спрашивай.

— Ты купил долги моего отца?

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Да.

— Зачем?

— Потому что они были на рынке. Потому что это выгодно. Потому что... — он запнулся.

— Потому что, что? — её голос дрогнул. — Потому что ты хотел меня? Ты знал обо мне? Ты знал, кто я, когда покупал эти долги?

Он поставил бокал. Медленно.

— Да.

Ева почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Ты... ты купил долги моего отца, чтобы заполучить меня? Это была... игра? Всё это время?

— Нет. — Он встал. — Это было не так.

— А как? — она тоже встала. — Объясни мне! Потому что я слышу только то, что ты знал, кто я, и использовал смерть моего отца, чтобы...

— Я не знал, что он умрёт! — выкрикнул Дэмиен. — Я купил долги, потому что... потому что я увидел тебя. За месяц до его смерти. В галерее. Ты реставрировала картину. Я стоял и смотрел на тебя полчаса, и ты не заметила. Ты была... — он сжал кулаки, — ты была настоящей. Не как все. И я узнал, кто ты. И узнал про долги. И я купил их, чтобы... чтобы иметь повод. Чтобы ты пришла ко мне сама. Потому что я не умею подходить. Я умею только покупать.

Ева смотрела на него, и в её глазах были слёзы.

— Ты купил мою жизнь. Ты купил моего отца. Ты... — она всхлипнула. — Ты чудовище.

— Да, — сказал он тихо. — Я знаю.

— И ты не сказал мне. Ты позволил мне думать, что это была случайность. Что я сама пришла к тебе.

— Ты бы не пришла, если бы я просто подошёл. Ты бы испугалась. Или послала меня. А я... — он шагнул к ней, — я не мог тебя потерять. Даже тогда. Даже до того, как узнал тебя.

— Это не любовь, — прошептала она. — Это одержимость.

— Может быть. — Он остановился в шаге от неё. — Но это всё, что у меня есть.

Глава 12.

Она ударила его. Не сильно — ладонью по щеке, скорее от отчаяния, чем от злости. Звук прозвучал как выстрел.

Дэмиен не отшатнулся. Только его глаза сузились.

— Ты имеешь право, — сказал он.

— Право? — она засмеялась, но в смехе не было веселья. — Ты думаешь, дело в праве? Ты разрушил мою жизнь, Дэмиен. Ты купил моего отца, как покупают картину. Ты... ты использовал его смерть, чтобы заполучить меня в постель!

— Я не использовал его смерть. Я купил его долги. Это разные вещи.

— Для меня — нет! — она отступила на шаг. — Мой отец умер, думая, что оставляет меня с долгами. Он умер, думая, что я пропаду. А ты... ты был там. Ты стоял в тени и ждал. Как хищник.

— Я не хищник.

— Тогда кто ты? — она вытерла слёзы тыльной стороной ладони. — Объясни мне. Кто ты, чёрт возьми, такой?

Он молчал. Потом сказал:

— Я человек, который всю жизнь боялся, что его бросят. И когда я увидел тебя — там, в галерее, — я впервые за много лет почувствовал что-то, кроме страха. Я не знал, как это назвать. Я до сих пор не знаю. Но я знал, что не могу тебя отпустить. Даже если для этого придётся купить весь мир.

— Это не романтика, Дэмиен. Это болезнь.

— Я знаю.

— И что теперь? — она посмотрела на него. — Что нам теперь делать?

Он подошёл к ней. Медленно, как будто она была диким зверем, которого нельзя спугнуть.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю одно. — Он взял её лицо в ладони. — Я не хочу тебя терять. Даже если ты меня ненавидишь. Даже если ты уйдёшь. Я буду помнить, что ты была. Что ты... — он запнулся, — что ты смотрела на меня не как на монстра. Хотя бы иногда.

Она должна была оттолкнуть его. Должна была уйти. Но вместо этого она прижалась к нему, и поцелуй был не нежным, а отчаянным — как будто они оба тонули и хватались друг за друга в темноте.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она между поцелуями.

— Знаю.

— Я ненавижу тебя за то, что ты сделал.

— Я знаю.

— Но я не могу уйти.

— Почему?

— Потому что ты — единственный, кто видел меня настоящую. Даже если ты купил меня. Даже если ты чудовище. Ты видел.

Он поднял её на руки — легко, как будто она ничего не весила, — и понёс в спальню. В ту ночь они не спали. И это была не просто страсть. Это было что-то другое — отчаянное, как будто они пытались сшить разорванное.

Утром Ева проснулась первой. Дэмиен спал рядом, и его лицо во сне было не жёстким, а... растерянным. Как у мальчика, который потерялся.

Она провела пальцем по его щеке. Он открыл глаза.

— Ты всё ещё здесь, — сказал он.

— Пока да.

— Я скажу тебе всё, — сказал он вдруг. — Всё, что ты хочешь знать. Про твоего отца. Про фонд. Про всё. Но не сегодня. Сегодня я хочу просто... — он притянул её к себе, — побыть с тобой.

Она кивнула. Она знала, что разговор будет. Что правда будет больной. Но сейчас она хотела просто дышать. С ним. Рядом.

— Хорошо, — сказала она. — Но завтра ты расскажешь мне всё.

— Завтра, — согласился он.

Завтра наступит. И оно будет тяжёлым. Но сегодня — сегодня они были вместе. И этого было достаточно.

Глава 13.

Утро началось с тишины. Дэмиен сидел на краю кровати, уже одетый, и смотрел в окно. Ева проснулась, и некоторое время просто наблюдала за ним: за тем, как напряжены его плечи, как пальцы сжимают край простыни. Он ждал. Ждал, что она скажет что-то, что решит их судьбу.

— Я не уйду, — сказала она, наконец.

Он обернулся. В его глазах мелькнуло что-то — облегчение? недоверие?

— Но есть условия, — продолжила она, садясь. — Мои условия. Если ты хочешь, чтобы я осталась.

— Говори.

Она глубоко вдохнула. Всю ночь она думала об этом. О том, что между ними происходит. О том, кем она была и кем стала. О том, что она больше не может быть просто «компаньонкой» — но и «рабыней» быть не хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.